

кономерной и общеобязательной системы литературной речи. Эстетический критерий, понятый как критерий правильности, оказывался и лингвистическим критерием: художественный слог воспринимался как правильный язык по преимуществу и, наоборот, — идеальная правильность речи толковалась как красота ее. Тем самым, в условиях той эпохи, нормативная критика оказывалась критикой филологической. Литераторы-критики 1730—1750-х годов тщательно и внимательно всматриваются в языковой строй обсуждаемых ими произведений, «придираются» к каждой грамматической форме, к каждому звуку и даже к каждой букве, требуя от поэта абсолютной четкости и следования грамматической норме, ими же создаваемой и проверяемой именно в этих критических битвах, в спорах, в ожесточенных филологических дискуссиях. Никким образом нельзя относиться к этим лингвистическим придирам, к этим грамматическим спорам по поводу стихов с высокомерием или, тем более, с насмешкой. Они не заслуживают ни того, ни другого. Напротив, они заслуживают всего нашего внимания и уважения. Это не было ни ребячеством могучих умов, ни мелочностью. Создание нормы литературного языка было в те годы великой и глубоко идейной задачей и поэзии и критики. Утверждение категории правильности и в общей образной структуре произведения и в его языке было необходимой базой идейного развития искусства, и мы сейчас, через двести лет, пожинаем плоды усилий филологической и нормативной критики первой половины XVIII столетия.
